

Об этом малоизвестном факте Елена Петровна Блаватская говорит в сочинении огромной важности, которое доступно на наших совместных сайтах. [1]

Человеческая история развивается по спирали, и нечто подобное, хотя и без насилия, было сделано Адьярским теософским обществом в отношении учения Елены Петровны Блаватской.

Подобно храмовникам, Блаватская осуждала бюрократические взгляды на религиозность и боролась с ними.

Учителя Мудрости предлагают теософам действовать как воинам истины, не прибегая к насилию. Согласно легендам Евангелий, такой же пример показал Иисус, который осуждал побеленные гробы и бросал вызов религиозной бюрократии своего времени.

Однако в отношении Блаватской стратегия господствующей ритуальной власти, основанная на «подавлении и фальсификации», действовала быстрее, чем политика Ватикана в отношении храмовников.

Псевдотеософия возникла, не дожидаясь столетий, и обладала явным преимуществом не совершать убийств и не применять физическую силу. Времена изменились. Обстоятельства другие, и сегодня мы живём в век электроники. Только абстрактная модель та же.

Общим в обеих ситуациях методом является идея разрушения сущности и последующего создания окультуренной поддельной версии оригинального учения. С другой стороны, внешне может показаться, что существует огромная разница между тем, как истинные храмовники изгонялись из католицизма, и тем, как Блаватская воспринимается бюрократическим теософским движением.

После смерти Е.П. Блаватской в 1891 году Адьярское теософское общество отказалось от первоначального учения Учителей. Начиная с 1930 года, Общество постепенно снова начало признавать и распространять сочинения Елены Петровны Блаватской, а также «Письма Махатм»; однако они использовались в декоративных целях и как инструмент для создания видимости законности перед публикой. Даже сегодня в структуре Адьярского общества продолжают доминировать псевдомасонские организации, а также ритуалы, основанные на ложном ясновидении сподвижников Анны Безант и на мнимых учителях, сфабрикованных в первые десятилетия 20-го века, — среди них «Сен-Жермен». [2]

Вся организационная структура остаётся прежней с того периода, когда Джидду Кришнамурти был представлен миру как новый Мессия.

В первое десятилетие 21 века мистер Джон Альжео, в то время вице-президент международного Общества, пытался морально уничтожить Блаватскую, опубликовав против неё фальшивые письма. Эта попытка потерпела поражение. [3]

Затем Адьяр прекратил нападки на Е.П.Б. и, не предпринимая никакой самокритики и не пытаясь усвоить её уроки, теперь переживает новую волну окультуренного «блавацкизма».

Блаватская сейчас в моде.

Е.П.Б. вдохновляет на проведение международных семинаров; она является причиной создания многочисленных групп в фейсбуке; её книги появляются в новых переводах, и старые последователи Ледбитера и Безант, без единого слова самокритики относительно лжи, распространявшейся в течение целого столетия, теперь читают благочестивые лекции о письмах от Учителей и теософии Блаватской.

Они выдают себя за истинных теософов.

Это могло бы стать настоящим духовным возрождением в Обществе Адьяра, если бы было больше искренности. Это было бы здорово.

Однако незаконные ритуалы продолжают совершаться. Ничего не было сделано, чтобы отказаться от мошенничества безантского периода. Между прочим, разговоры о псевдотеософских фальсификациях по-прежнему деликатно запрещены в Обществе.

Отрицается прохождение испытаний во время духовного странствия.

«Обновление» ограничивается чтением слов Блаватской, точно так же, как в предыдущие годы читали слова Джидду Кришнамурти, чтобы соответствовать современности.

Сохранение видимости свободомыслия (когда мысли отделены от действий) является частью предложения Анни Безант в рамках организации; оно появилось в начале двадцатого века после неудачной попытки способствовать театральному возвращению Христа.

Новая мода читать Блаватскую (как простое интеллектуальное любопытство и не имеющее отношения к конкретной жизни теософского движения) на данный момент представляет собой ещё одну трудную задачу, требующую проницательности исследователей.

Мысль, оторванная от действия, – это не мысль, а пустой разговор.

Чтобы серьёзно относиться к Блаватской, необходимо избавиться от структуры власти, основанной на ритуальной бюрократии Адьяра.

Точно так же можно понять традиции храмовников, если только оставить мошенничество Ватикана и иезуитов и изучать подлинную эзотерическую традицию.

Девиз теософского движения: «Нет религии (и никакой ритуальной церемонии, никакой структуры власти или личных амбиций) выше Истины».

Следует также помнить эти слова Учителя Мудрости:

«...Но вместо того, чтобы проповедовать сердцем и жизнью, которые противоречат вашим исповеданиям, – заклиньте молнию, чтобы она поразила вас, ибо каждое слово станет вашим будущим обвинителем». [4]

СНОСКИ:

[1] [Тайна храмовников](#).

[2] Изучите, например, статью [Граф де Сен-Жермен](#) и редакционную заметку 2021 года, которая служит [введением](#) к ней.

[3] См. [Проект в защиту ЕПБ - 2016](#).

[4] Из письма 24 сборника «Письма Учителей Мудрости – Первая серия» (“Letters From the Masters of the Wisdom - First Series”), стр. 68. Это экстраординарное письмо также опубликовано как независимая статья на наших совместных сайтах под заголовком [Правило искренности](#).

000

Читайте также:

* [Подделка Адьяром Эзотерической школы](#).

000

Елена Петровна Блаватская: **Знание приходит в видениях**

Знание приходит в видениях, сначала во сне, а затем в образах, представляемых внутреннему взору во время медитации. Так меня научили всей системе эволюции, законам бытия и всему остальному, что я знаю, — тайнам жизни и смерти, действиям кармы.

Обо всём этом мне не было сказано ни слова обычным способом, разве что в подтверждение того, что именно так мне было дано, — ничему не учили меня в письменном виде. И знание, полученное таким образом, так ясно, так убедительно, так неизгладимо по впечатлению, которое оно производит на ум, что все другие источники информации, все другие методы обучения, с которыми мы знакомы, бледнеют по сравнению с этим.

Одной из причин, по которой я не решаюсь сразу ответить на некоторые заданные мне вопросы, является трудность выражения достаточно точным языком вещей, данных мне в образах и постигаемых мною чистым разумом, как назвал бы его Кант.

У них синтетический метод обучения [1]; сначала даются самые общие наброски, затем проникновение в суть метода работы, затем выдвигаются общие принципы и понятия и, наконец, начинается раскрытие более мелких вопросов. (Елена Петровна Блаватская)

ПРИМЕЧАНИЕ:

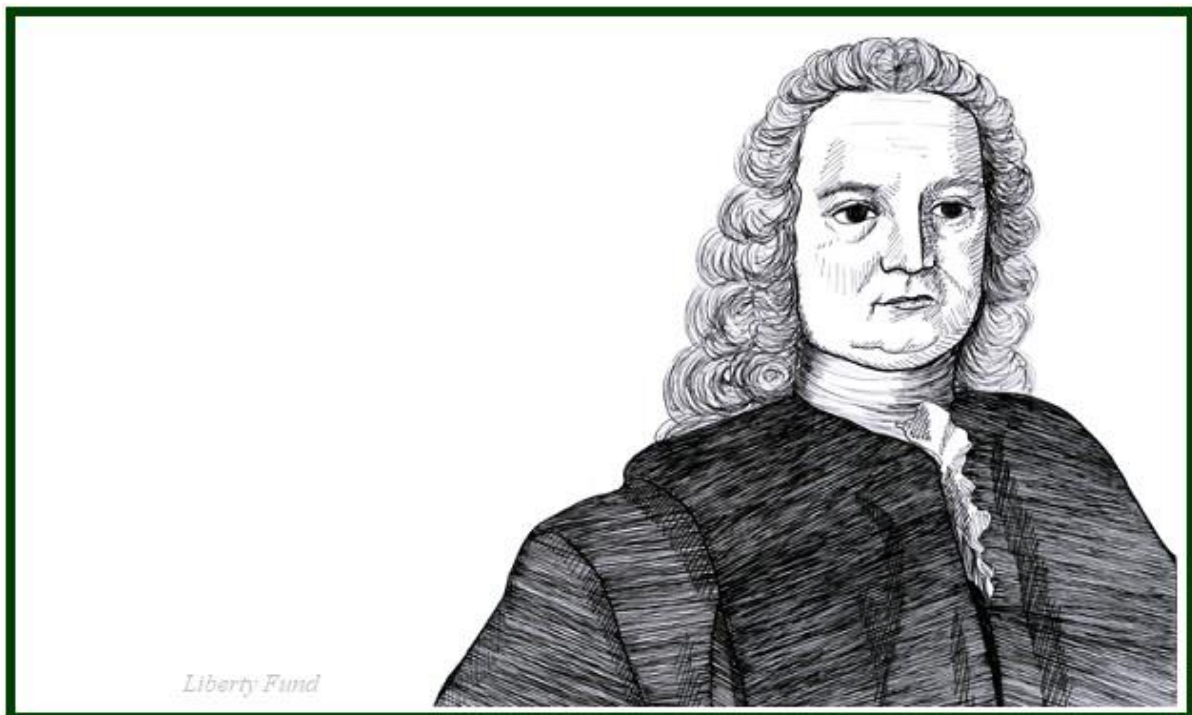
[1] «У них синтетический метод обучения» — ссылка на метод обучения, используемый Учителями Мудрости. (ККА)

[Воспроизведено из «Собрания сочинений» (“Collected Writings”) Е.П. Блаватской, ТРН, США, Т. XIII, стр. 285]

Устремления воли - 02 (окончание)

Относительно конечных устремлений воли и альтруистических чувств

Фрэнсис Хатчесон

... Теперь ясно,

IV

1. Что любое чаяние или страх у людей, будь то богатство или бедность, честь или позор, телесное удовольствие или страдание, могут быть мотивами только внешних действий или занятий, а не какой-то внутренней доброжелательности или желания собственного счастья, поскольку все мы знаем, что наши внутренние чувства скрыты от

других. Только внешнее поведение может быть средством исполнения наших чаяний или уклонения от того, чего мы боимся.

2. Поскольку себялюбие может заставить нас желать только того, что кажется средством нашего собственного счастья, вряд ли можно утверждать, что даже самые утончённые интересы являются источником истинной доброжелательности к другим. Если человек осознает высшее удовольствие от одобрения самого себя, возникающие при осознании внутренней доброжелательности и добрых чувств, или убежден, что Божество награждает людей такого нрава, то эти два мотива могут возбудить желание иметь этот полезный набор чувств, чтобы обрести счастье. Итак, можем ли мы по велению воли тотчас же возбудить желаемые чувства, и, исходя из этих мотивов, взрастить добрые чувства. Нельзя возбудить какой-либо характер набора чувств таким образом. Поскольку актом воли нельзя вызвать уважение по отношению к объекту, в котором не видно совершенства, или страха, если нет ничего грозного, или гнева, если нет ничего обидного, или жалости, если нет страданий, или благодарности, если нет доказательств предшествующей щедрости. Так и сознание, полностью настроенное на эгоистичное добро возбуждает в себе добрые чувства по велению своей воли. Должна быть естественная причина прежде того, как может быть возбуждено какая-либо чувство.

Если действительно наши сердца так устроены, как утверждают сторонники бескорыстных чувств, что, являя нашим спокойным мыслям состояние каких-либо чувствительных существ, когда никакое противоречие интересов или злых наклонностей, замечаемых в них, не препятствует естественному движению наших душ, то доброжелательность естественно возникает. Тогда мотивы получения более благородного удовольствия от одобрения самих себя или наград от Бога будут склонять нас к спокойному обращению нашего внимания к состоянию других и преодолеют мелкие назойливые интересы, а также даже устранят препятствия в виде гнева.¹ Те же самые мотивы заставляют нас также исследовать все такие качества превосходства или благого служения других людей, которые являются естественным поводом для более теплых и более нежных чувств. Так, постановления божественных законов могут влиять на наши чувства. Но,

3. От себялюбия мы ждём только средств к собственному счастью. *А реальное счастье других людей* не является ни причиной, ни средством одобрения самих себя, ни наградой от Бога. Наши сердца одобряют нас, и Бог обещает нам награду не потому, что другие на самом деле счастливы, а потому, что у нас такой добрый характер, и мы

¹ Это касается наших собственных высших и самых благородных удовольствий и интересов, которые мы находим в некоторых из лучших сочинений древних и у лорда Шефтсбери: «Чтобы, сознавая внутреннее наслаждение и достоинство *добродетелей*, превосходящие все другие наслаждения, мы решили следовать всем благородным и великодушным движениям наших сердец вопреки низменным интересам этой жизни». Не то, чтобы они воображали, что мы можем возбудить какое-либо новое чувство по велению *воли*, которую природа не посеяла и не связала своими собственными причинами, или что все великодушные чувства имеют в виду личное благо. Этому понятию они противостояли с величайшим рвением и силой разума. (Примечание Фрэнсиса Хатчесона)

хорошо поступаем ради них, независимо от того, счастливы они или нет. Таким образом, наше желание удовольствия от одобрения самих себя или божественных наград может вызвать у нас только желание иметь эти чувства и играть подобающую роль. Но такие чувства не могут быть непосредственно вызваны волей; и когда бы они ни возникали, они явно имеют благо других людей в качестве конечной цели, намеченной этими чувствами. Хотя в наших предыдущих советах с самими собой или в размышлениях о внутренней культуре ума мы, возможно, решили, ради нашего собственного совершенствования и высочайшего счастья, поощрять в себе все подобные чувства и обращать наше внимание на все подобные размышления, способные возбуждать их естественным образом, а также игнорировать все низкие назойливые интересы этого мира. Такие благородные чувства часто проявляются там, где не было таких предварительных размышлений и целей их взращивания, а там, где были такие цели, благородное чувство всё равно имеет естественную цель, благо других людей, и опирается на неё; и оно должно существовать в душе прежде всех желаний и намерений его взращивания.

Нет ничего странного или необычного в том, что человек должен испытывать недостаток в некоторых нежных и благородных чувствах – чувстве любви, уважения, благодарности, жалости, покаяния в проступках, в то время как всё же он искренне желает иметь их. Внутренний нрав и набор чувств не возникают сразу по желанию или велению. Было замечено, что люди, пренебрегавшие добродетелями и благочестием, часто при приближении опасности и в других случаях сердечно желают из себялюбия или из страха перед наказанием обрести любовь и благодарность к Богу, милосердие и доброжелательность к ближним, кротость и всепрощающий нрав, и сокрушение о грехах своих; и все же их мучит сознание, что этих наклонностей у них нет. У хороших людей эти чувства проявляются без каких-либо намерений, без стремления к одобрению самих себя или будущему вознаграждению.

Более того, разве некоторые из этих добрых чувств сильнее всего там, где мы менее всего ожидаем почестей от людей, наград от Бога или даже сколько-нибудь значительного одобрения самих себя, как в случае супружеских и родительских чувств, дружбы и благодарности? Как бы ни осуждался их недостаток, эти чувства считаются низшим видом добродетелей, а некоторые из них вообще едва ли считаются добродетелями.

V

Некоторые утверждают, что наши самые великодушные чувства подчинены личному интересу посредством симпатии, которая делает удовольствия и страдания, счастье или несчастье других постоянными причинами удовольствия или страдания нас самих. Мы радуемся, видя других счастливыми, более того, зная, что они счастливы, хотя и на расстоянии. Точно так же и мы испытываем боль или печаль от их страданий. Следовательно, чтобы получить это удовольствие и избежать этой боли, мы испытываем из-за себялюбия, говорят некоторые, внутреннее желание их счастья, искреннее, хотя и подчинённое нашему собственному желанию. Но такая симпатия никогда не может объяснить всех добрых чувств, хотя она, без сомнения, является естественным принципом и прекрасной частью нашей конституции. Там, где только она проявляется, она прямо пропорциональна увиденному или воображаемому бедствию или страданию, независимо от других обстоятельств, в то время как наши благородные чувства находятся в очень разных степенях и пропорциях; мы можем

испытывать доброжелательность в меньшей степени к любому неизвестному человеку. Но насколько же сильнее чувство благодарности, любви и уважения к достойному человеку или близкому другу, или родительское чувство? Эта симпатия, если она является причиной всякой любви, должна быть весьма изменчивой склонностью, возрастающей в зависимости от получаемых благ, явных нравственных качеств, близости и кровных уз, ибо доброе чувство внутренней доброжелательности значительно усиливается этими причинами.

Пусть симпатия, естественно, менялась в результате этих причин, но она никогда не могла бы объяснить того мгновенного пыла любви и доброжелательности, который мы испытываем к любой личности, представленной нам как нравственное совершенство, прежде чем у нас возникнут какие-либо мысли или мы не наведём кое-какие справки о её состоянии в момент счастья или несчастья. Предположим, она находится в самых отдалённых уголках земли или на какой-нибудь другой планете. Конечно, мы можем знать намерения души по её устремлениям или чувствам. Является ли наше собственное будущее удовольствие от радости симпатии целью, которой заканчивается всякое доброе чувство и всякое дружеское желание? Ограничивается ли какой-то личной радостью родительская забота или патриотизм, даже когда сознательно жертвуют жизнью ради своей страны? Когда и где такое чувство можно обрести? Лишь мгновение или два, прежде чем смерть унесёт нас от всех человеческих дел, и немногие из нас задумаются о том, в каком состоянии находятся наши оставшиеся в живых. Если бы Бог известил храброго человека, что его смерть наступит в следующее мгновение и что у него больше не будет общих взглядов со смертными или памяти о них, но что он исполнит его последние желания в отношении детей, друзей и страны. Разве не пожелал бы он так же горячо их процветания, как и в любой прежний период жизни, хотя бы его радостные сочувственные мысленные образы и прекратились в следующее мгновение? Как можно объяснить этой схемой те тревоги, нежные рекомендации, советы и пламенные молитвы людей, умирающих за тех, кто был им дорог, хотя они убеждены, что скоро выйдут из этого состояния и не узнают больше о человеческих делах?

Наше сострадание к страждущим людям, очевидно, заканчивается с их облегчением, даже когда мы не обращаем внимания на собственную боль. Прекращение любого желания наступает не только при устранении беспокойства, которое его сопровождает. Таким образом, хотя в природе может существовать некоторая связь между нами и объектами наших нежных чувств, тем не менее, чувство, имеющее объектом их благо, предшествует этой связи и является её причиной. Поэтому мы радуемся счастью нашего ребёнка, нашего друга, нашей страны, потому что прежде мы относились к ним с предельной доброжелательностью. И не поэтому мы любим их и желаем им добра, потому что заметили, что будем испытывать радость из-за их счастья и печаль из-за их несчастья. Отсюда и получается, что чем сильнее была прежде наша любовь и уважение, тем больше будет наша радость по поводу их счастья и наша печаль по поводу их несчастья.

Этого может быть достаточно, чтобы подчеркнуть тот важный момент, что наша природа восприимчива к чувствам, действительно бескорыстным в самом точном смысле, и не находящимся во власти непосредственно себялюбия или не предполагающим никаких личных интересов. Родственные узлы, получаемые выгоды, проявленные нравственные достоинства (хотя мы и не замечаем никакой выгоды, извлекаемой из этого для нас) являются естественными причинами этих особых добрых

чувств; многое из этого получают незаслуженно; всё имеет своей целью благо других людей; и всё это проявляется в душе, когда у неё нет никаких видов на что-то или рациональных оснований надеяться на какую-либо личную выгоду; и более того, когда всё это вовлекает человека в неприятности и вызывает беспокойство.

VI

Как мы уже отмечали выше, особыми движениями воли к личному благу являются либо спокойные устойчивые чувства, либо бурные страсти; таковы и отдельные движения благородного рода, некоторые из них спокойные, уравновешенные и устойчивые, стремящиеся к счастью своего объекта, будь то индивидуума или общества, не сопровождающиеся бурными чувствами и вызывающие беспокойство только тогда, когда они терпят поражение в своём намерении; другие же беспокойны и сопровождаются неприятными ощущениями. Мы можем продолжить это сравнение.

Так как в человеческом сознании при воспоминании о себе обнаруживается обычно спокойное устремление к личному счастью самого высокого рода, которое он может себе представить; так, мы можем найти подобный принцип благородного вида. Когда при воспоминании в нашем уме складывается понятие о самой великой из возможных систем чувствительных существ и о её высшем счастье, тогда также возникает спокойное устремление желать её, абстрагируясь от всякой связи с нашим личным наслаждением или подчинения ему. Мы обнаружим, что эти два великих устремления, одно — к нашему собственному величайшему счастью, другое — к величайшему общему благу, — независимы одно от другого, каждое способно иметь силу, чтобы сдерживать все личные чувства своего рода и держать их в подчинении.

Но здесь возникает новое недоумение в этой сложной структуре, где эти два принципа, похоже, идут разными путями. Должно ли благородное устремление и все его личные чувства уступать эгоистичному устремлению и находиться под его властью? Должны ли мы потакать их добрым движениям настолько, насколько это допускают личные интересы, и не более того? Или эгоистичное устремление должно уступить дорогу благородному? Или мы можем предположить, что в этой сложной системе есть два основных принципа, которые часто могут противоречить друг другу, не имея какого-либо судьи, который мог бы примирить их различия? Или мы будем отрицать какое-либо первоначальное спокойное устремление к общественным интересам, допуская лишь различные личные высшие добрые чувства, на самом деле, не проистекающие из себялюбия или непосредственно не направленные на личное благо как на их естественную цель. И, тем не менее, во всех наших взвешенных советах относительно общего направления нашего поведения, подчиненного, вместе со всеми особенными аппетитами и страстями эгоистического рода, изначальному устремлению каждого человека к собственному совершенству и счастью? Это последнее, пожалуй, является программой некоторых превосходных авторов, как древних, так и современных.

Утверждать здесь, что посредством нашего рассудка и мышления мы можем понять, каково было намерение Бога, автора нашей природы, во всей этой структуре наших чувств; что он явно имел в виду всеобщее счастье и счастье каждого человека, насколько это совместимо с ним; и что это намерение должно быть нашим правилом и поэтому мы должны сдерживать и контролировать не только все эгоистичные чувства, но даже все благородные личные чувства в таких пределах, каких требует общий интерес — является действительно правильным, но не устраняет трудностей, если

только нам сначала не скажут, какому устремлению души, какому мотиву мы должны подчиняться согласно божественным намерениям? Если из желания награды, то эгоистичное спокойное устремление есть единственный основной принцип всех взвешенных советов жизни; если из осознания его нравственного совершенства, из желания подражать ему, из любви и благодарности, то желание нравственного совершенства должно быть высшим первоначальным устремлением. Но это устремление к нравственному совершенству, хотя и является исходным принципом, должно предполагать некоторые предшествующие устремления воли в качестве своей цели. И среди этого всего должен быть кто-то, в ком есть высшее нравственное совершенство, иначе само наше чувство и стремление к нравственному совершенству, поскольку оно может рекомендовать множество отдельных чувств, способных мешать друг другу, снова заведут нас в новый лабиринт растерянности. Решение этих трудных вопросов можно найти путем полного рассмотрения упомянутой выше *нравственной способности*, которую мы рассмотрим далее; мы вкратце коснёмся тех причин, которые показывают, что эта *нравственная способность* является *изначальным устремлением* или *чувством* нашей природы, которое нельзя отнести к другим способностям восприятия.

000

Приведённый выше текст воспроизводит вторую и последнюю часть главы III, Т. I, Книга I сочинения Фрэнсиса Хатчесона «Система нравственной философии» (“A System of Moral Philosophy”), Cambridge University Press, 2014 год; факсимильное издание 1755 года, см. стр. 43-52. Первая часть главы III «Устремления воли» опубликована в журнале «Теософ эпохи Водолей» за октябрь 2022 года.

000

Предыстория Независимой ложи

читайте

Взгляд Блаватской на теософское движение с 1890-х годов до 2020 года

000

Присоединяйтесь к группе

* [**Независимая ложа теософов**](#) ВКонтакте

000

периода в самом здоровом человеческом мозгу естественным или искусственным образом. Но существуют и естественные феномены, не входящие в этот «аномальный» класс; и они, в конце концов, принудительно овладели даже научными умами. Феномены гипноза, передачи мыслей и возбуждения чувств, сливаясь друг с другом и проявляя свое оккультное существование в нашем феноменальном мире, наконец, привлекли внимание некоторых выдающихся ученых. Под руководством известного доктора Шарко из парижской больницы Сальпетриер, несколько известных учёных взялись за дело — во Франции, России, Англии, Германии и Италии. Более пятнадцати лет они экспериментировали, исследовали, строили гипотезы. И каков же результат? Единственное объяснение, данное публике, тем, кто жаждет познакомиться с действительной, сокровенной природой феноменов, с порождающей их причиной и генезисом, состоит в том, что сенситивы, проявляющие их, все до единого страдают истерией! Все они *психопаты* [2] и *невротики* [3] — говорят нам — и нет никакой другой причины, лежащей в основе бесконечного разнообразия манифестаций, кроме чисто физиологической.

Это выглядит удовлетворительным для настоящего времени и весьма обнадеживающим для будущего.

Таким образом, «истерическая галлюцинация» обречена стать *альфой* и *омегой* всякого феномена. В то же время наука определяет слово «галлюцинация» как «заблуждение наших чувств, разделяемое нашим рассудком и навязываемое ему (этим заблуждением)». [4] Итак, такие *галлюцинации* сенситивов в реальном виде — например, появление «астрального тела» — не только воспринимаются *«рассудком»* сенситива (или медиума), но также воспринимаются чувствами присутствующих. Отсюда естественный вывод, что все эти очевидцы тоже страдают *истерией* (стр. 59-60).

* Мы видим, что миру грозит опасность превратиться к концу этого столетия в один огромный сумасшедший дом, в котором только образованные врачи составят разумную часть человечества.

Из всех проблем медицинской философии галлюцинации кажутся наиболее трудноразрешимыми, от которых наиболее трудно избавиться. Иначе и быть не могло, ибо это один из таинственных результатов нашей двойственной природы, мост, перекинутый через пропасть, отделяющую мир материи от мира духа. Никто, кроме тех, кто хочет перейти на другую сторону, не может оценить это или когда-либо распознать *нумен* этих феноменов. И, без сомнения, манифестация весьма обескураживает любого, кто становится её очевидцем в первый раз. Доказав материалисту творческие способности, *потенциальные возможности* человеческого духа, показав церковнику *естественную сторону* «чуда» и, так сказать, *сверхъестественную сторону* простейших действий естественных причин, *галлюцинация* пока не может быть принята такой, какая она есть на самом деле, и вряд ли можно принудить к такому пониманию материалиста или верующего христианина, поскольку один так же непоколебим в своём отрицании, как другой — в своём утверждении. «Галлюцинация, — говорится в авторитетном источнике, цитируемом Бриером де Буамоном [5], — есть воспроизведение материального символа идеи». Говорят, что галлюцинации не признают ни возраст, ни заслуги; или, если роковой опыт чего-нибудь стоит, то «врач, который уделял бы им слишком много внимания или

слишком долго и *слишком серьёзно* изучал бы их, обязательно бы закончил свою карьеру в рядах собственных пациентов».

Это ещё одно доказательство того, что «галлюцинации» почти никогда не изучались «слишком *серьёзно*», так как самопожертвование — далеко не самая характерная черта нашего века. Но *если* они так заразны, то почему бы нам не допустить дерзкого и неучтливового предположения, что биологи и физиологи школы доктора Шарко сами страдали галлюцинациями довольно односторонней научной идеи о том, что все эти феноменальные галлюцинации происходят из-за *истерии*?

Как бы то ни было, будь то *коллективная галлюцинация* наших медицинских светил или бессилие материальной мысли, простейший феномен (из класса, *признанного* и проверенного мужами науки в 1885 году) до сих пор остаётся для них столь же необъяснимым, как и в 1840 году (стр. 60-61).

* Если, признавая ради аргумента, что некоторые из толпы из великого почтения — часто доходящего до *поклонения фетишу* — перед наукой и авторитетом, действительно принимают изречение учёных о том, что любой феномен, любая «аномальная» манифестация обязана проказам *эпилептической истерии*, то, что же делать остальной публике? Поверят ли они, что *самодвижущийся* грифельный карандаш мистера Эглинтонна тоже мучается в припадке той же эпилепсии, как и его медиум — хоть он и *не прикасается к нему*? Или что пророческие высказывания провидцев, великих вдохновенных апостолов всех времен и религий, были просто патологическим результатом истерии? И опять же, разве «чудеса» Библии, Пифагора, Аполлония и других, принадлежат к тому же семейству *аномальных* феноменов, что и галлюцинации мадемуазель *Альфонсины* (или как её там зовут) доктора Шарко и её эротические описания, и её поэзия — «вследствие *вздутия её толстой кишки газами*» (именно так)? Такие притязания, скорее всего, потерпят фиаско. Прежде всего, следовало бы объяснить саму «галлюцинацию» в том случае, когда она действительно является следствием физиологической причины, но *этого никогда не было сделано*. Взяв наугад некоторые из сотен определений выдающихся французских врачей (у нас нет под рукой определений английских врачей), что мы узнаем о «галлюцинациях»? Мы дали «определение» доктора Бриерра де Буасмона, если его можно назвать таковым; теперь давайте рассмотрим ещё несколько определений.

Доктор Л. Ф. Лелю называет их «сенсорной и перцептивной глупостью»; доктор Шомель — «обычной иллюзией сенсориума» [6]; доктор Ф. Лёре — «иллюзией-посредником между ощущением и восприятием» (Fragments Psychologiques sur la Folie); доктор Мише — «перцептивным бредом» (Du Delire des Sensations); доктор Кальмейль — «иллюзией вследствие неправильной модификации нервного вещества» (De la Folie, T. I); и т. д. и т. д. [7]

Вышеизложенное не сделает мир, боюсь, намного мудрее, чем он есть. Со своей стороны, я считаю, что теософы поступили бы правильно, если бы придерживались старого определения галлюцинации (theopania) [8] и безумия, данного около двух тысяч лет назад Платоном, Вергилием, Гиппократом, Галеном и древними медицинскими и богословскими школами. «Есть два вида глупости, одна из которых порождена телом, а другая послана нам *богами*» (стр. 61-62).

Цвета гласных и согласных

* Около десяти лет назад, когда писалась «Разоблаченная Изида», самым важным моментом, на который была направлена работа, была демонстрация следующего: (а) реальность оккультных сил в природе; (б) доскональное знание «некоторых людей», знакомых со всеми такими оккультными областями, и их влияние на них; (в) среди известных в наше время искусств и наук вряд ли найдутся такие, о которых не упоминалось бы в Ведах; и (г) сотни вещей, особенно тайны природы (*in abscondito*, как это называли алхимики) были известны ариям периода до *Махабхараты*, и которые неизвестны нам, современным мудрецам XIX века.

Сейчас представлено новое доказательство этого. Оно является новым подтверждением, недавно полученным во время исследований во Франции эрудированными «специалистами» (?) в отношении путаницы цвета и звука, «музыкальных мысленных образов» и *цветовых образов*, которую допускают их пациенты *невротики* и *психоманьяки*.

Впервые к этому особому явлению обратился доктор Нюссбаумер из Австрии в 1873 году. После него это начали серьёзно исследовать в Германии Блойлер и Леманн; в Италии – Веларди, Бареджи и некоторые другие учёные, и совсем недавно им занялся доктор Педрино из Франции. Однако наиболее интересные описания *цветозвуковых* явлений можно найти в газете *La Nature* (№ 620, 18 апреля 1885 г., стр. 306–307, и № 626, 30 мая 1885 г., стр. 406–408), в статье, предоставленной А. де Роша, который экспериментировал с неким джентльменом, которого он назвал «М.Г.П.».

Ниже приводится краткое резюме его эксперимента.

М.Г.П. Мужчина около 57 лет, *адвокат* по профессии, живущий в настоящее время в одном из загородных *предместий* Парижа, страстный любитель естественных наук, которым он очень серьезно занимался, увлекающийся музыкой, хотя сам не музыкант, большой путешественник и великий лингвист. М.Г.П. никогда ничего не читал об этом своеобразном явлении, заставляющем некоторых людей ассоциировать звук с цветом, но был подвержен ему с самого детства. Звук любого вида всегда производил в нём образ цвета. Так, произнесение гласных производит в его мозгу следующее: буква *A* кажется ему тёмно-красной; *E* – белой; *I* – чёрный; *O* – жёлтой; *U* – синей. Дифтонги производят следующий эффект: *Ai* – каштановый цвет; *Ei* – серовато-белый; *Eu* – светло-голубой; *Oi* – грязно-жёлтый; *U* – желтоватый. Почти все согласные темно-серого оттенка; в то время как гласная или дифтонг, образующий с согласной слог, окрашивает этот слог своим собственным оттенком. Так, *ba, ca, da* все красно-серого цвета; *bi, ci, di* – пепельный; *bo, ko, do* – желто-серый и так далее. Буква *S* в конце слова, произнесённая с шипением, подобно испанским словам *los campos*, придаёт предшествующему слогу металлический блеск. Таким образом, цвет слова зависит от цвета букв, из которых оно состоит, так что для М.Г.П. человеческая речь представляется в виде исходящих изо рта людей разноцветных или пестрых лент, цвета которых в предложениях определяют цвета гласных, отделённых друг от друга сероватыми полосками согласных (стр.62-63).

Каждый язык имеет свой цвет

* Языки, в свою очередь, получают общую окраску от тех букв, которые преобладают в каждом из них. Например, немецкий, богатый согласными, производит в целом впечатление темно-серого мха; французский кажется серым, с большой примесью белого; английский кажется почти чёрным; испанский очень многоцветен, преобладают желтые и карминово-красные оттенки; итальянский — жёлтый, переходящий в кармин и чёрный, но с более нежными и гармоничными оттенками, чем испанский.

Низкий голос кажется М.Г.Р. тёмно-красным, постепенно переходящим в шоколадные тона; в то время как пронзительный, звонкий голос предполагает синий цвет, а голос между этими двумя крайностями немедленно меняет эти цвета на светло-светло-жёлтый.

Звуки инструментов также имеют свои отчётливые и особые цвета: фортепиано и флейта предполагают оттенки синего; скрипка — чёрного; а гитара — серебристо-серого и т.д.

Названия музыкальных нот, произносимые громко, влияют на М.Г.П. так же, как слова. Цвета певческого голоса и игры зависят от голоса, его диапазона и высоты, а также от инструмента, на котором играют.

То же самое и с произносимыми *цифрами*; но при мысленном прочтении они отражают для него лишь цвет чернил, которыми они написаны или напечатаны. Таким образом, форма не имеет ничего общего с такими цветовыми феноменами. В то время как эти мысленные образы обычно имеют место не вне М.Г.П., а, так сказать, в глубинах его мозга, мы находим других сенситивов, предлагающих гораздо более любопытные феномены, чем он (стр. 64).

Различные цвета, льющиеся из гитары

* Помимо интереснейшей главы Гальтона, посвященной этому предмету, из его книги «Исследование человеческих способностей и их развития» мы находим в издании «London Medical Record» сенситива, описывающего свои впечатления следующим образом: «Как только я *слышу* звуки гитары, я *вижу* вибрирующие аккорды, окруженные разноцветными парами». Фортепиано производит тот же самый эффект: «цветные образы начинают плавать над клавишами». У одного из испытуемых доктора Педрони в Париже [9] всегда были цветовые мысленные образы *вовне*. «Всякий раз, когда я слышу хор из нескольких голосов, — говорит он, — я осязаю над головами певцов множество плавающих цветных точек. Я их *осязаю*, потому что глаза не видят никаких конкретных образов; тем не менее, я заставляю себя *смотреть* на них и, *разглядывая* их, испытываю недоумение, поскольку не могу найти тех ярких цветных пятен, когда смотрю на них, нежели, когда *осязаю* их».

Наоборот, есть сенситивы, у которых созерцание цветов непосредственно вызывает созерцание звуков, и опять же ещё одни сенситивы, у которых тройной феномен производится одним особым чувством, порождающим два других чувства. Некий сенситив не может слушать игру духового оркестра привкуса «меди во рту» и видит темно-золотистые облака.

Наука исследует такие манифестации, признает их реальность и остаётся бессильной объяснить их. «*Невроз и истерия*» — вот единственный ответ, а «собачьи галлюцинации» французских академиков, цитируемые в «Разоблачённой Изиде» [Т. I, стр. 278], остаются действительными и по сей день в качестве объяснения или *универсального решения* всех подобных феноменов. Но, в конце концов, вполне естественно, что наука никоим образом не может объяснить этот конкретный феномен *света и звука*, поскольку сама её теория света никогда не была полностью подтверждена и не завершена до настоящего времени.

Пусть же наши научные противники ещё немного поиграют в «жмурки» с феноменами, не имея никакой опоры, кроме своих вечных физиологических гипотез. Возможно, недалеко то время, когда они будут вынуждены изменить свою тактику или признать себя побеждёнными даже такими *элементарными* феноменами, как описано выше. Но, что бы физиологи ни говорили и ни делали; какими бы ни были их научные объяснения, гипотезы и выводы в настоящее время или в будущем, современные феномены часто возвращаются за истинным объяснением к архаичным Ведам и другим «Священным книгам Востока». Ведь легко доказать, что ведические арии были хорошо знакомы со всеми такими тайнами звука и цвета. Мысленная взаимосвязь двух чувств, «зрения» и «слуха», было таким же обычным фактом в их дни, как и в наши дни, когда человек видит перед собой реальные вещи широко открытыми глазами в ясный полдень.

Любой изучающий оккультизм, самый молодой чела, только что начавший *эзотерически* читать свои Веды, может догадаться, что означает истинный феномен; просто *циклический возврат человеческих организмов к их примитивной форме* 3-й и даже 4-й корень-расы того времени, что известно как *допотопные периоды*. Всё свидетельствует в пользу этого, даже такие точные науки, как филология и сравнительная мифология. Начиная с седой древности, с самой зари великих цивилизаций тех рас, которые предшествовали нашей *пятой* расе и следы которых теперь погребены на самом дне океанов, этот факт был известен. То, что сейчас считается аномальным феноменом, было, по всей вероятности, нормальным состоянием допотопного человечества. Это не пустые слова, ибо вот два из многих доказательств. (стр. 64-66)

Солнце, Аврора, Феб, Аполлон

* В результате обилия данных, собранных лингвистическими исследованиями, филологи начинают возвышать голос и указывать на некоторые весьма наводящие на размышления, хотя и необъясненные до сих пор факты. (1) Установлено, что все слова, обозначающие человеческие представления и понятия о *свете* и *звук*, *происходят от одних и тех же корней*. [10] (2) *Мифология*, в свою очередь, указывает на очевидный закон (единообразие которого исключает возможность случайности), который побудил древних символистов изображать всех своих *солнечных* богов и *лучезарных* божеств (таких, как Заря, Солнце, Аврора, Феб, Аполлон и т. д.) так или иначе связанных с музыкой и пением, одним словом, со *звуком*, который ассоциировался с сиянием и цветом [11] (стр.66-67).

* Если это пока только умозаключение, то в Ведах есть ещё лучшее доказательство, поскольку там понятия слов «звук» и «свет», «слышать» и «видеть» *всегда связаны*. В

Гимне X, 71, стих 4 читаем: «Один, хотя и *смотрит, не видит речи*, а другой, *видя, не слышит*». И снова в стихе 7, в котором группа друзей изображается подражающими друг другу в пении, они характеризуются двойным эпитетом, поставленным рядом – *акшаванта* и *карнаванта* или «наделённый глазами» и «наделённый ушами». Последнее вполне естественно, ведь у певца *хороший музыкальный слух*, и эпитет понятен ввиду музыкальной имитации (стр. 67).

* Но какой смысл может иметь термин акшаванта в этом случае, когда говорится о хорошем зрении, если только в нем есть какая-то связь и значение, которые нельзя объяснять, потому что, вероятно, гимн относится к тем дням, когда *зрение* и *слух* были синонимами? Более того, филолог, приобретающий популярность востоковед [12], сообщает нам, что «санскритский глагольный корень АРЧ используется для обозначения двух значений - (а) «петь» и (б) «сиять», излучать лучи. Существительные рич и арчис, производные от корня АРЧ, употребляются для обозначения (1) песни, гимна и (2) сияния, луча, солнца. В представлении древних можно было видеть речь., — объясняет он. Что говорит на это эзотерическое учение — этот универсальное решение всех научных трудностей и загадок? Она отсылает нас к главе об эволюции рас, в которой первобытный человек показан в своей особой эволюции, развивающейся на физическом плане посредством развития сознания в каждой последующей подрасе (которых семь) 1-й корень-расы во время 4-го Круга на этом глобусе.[13] (стр. 67-68)

* Речь человеческая, как нам известно, появилась в предшествовавшей нашей корень-расе (четвёртой или «атлантической»), в самом начале её, в подрасе № 1; и одновременно с ней развилось зрение (как физическое чувство), а четыре других чувства (с двумя дополнительными – 6-м и 7-м, о которых наука пока ничего не знает) остались в своём латентном, неразвитом состоянии как физические чувства, хотя вполне развились как духовные способности. Наш *слух* развился только в 3-й подрасе. Таким образом, если человеческая «речь» — по причине отсутствия слуха — была вначале ещё тише, чем то, что мы называли бы шёпотом, поскольку она была скорее мысленной артикуляцией звуков, чем чем-либо иным, чем-то вроде нынешних систем, разработанных для глухонемых, то тем не менее легко понять, как уже с тех ранних дней «речь» стала ассоциироваться со «зрением», или, другими словами, люди могли понимать друг друга и *говорить* лишь с помощью *зрения* и *осязания* (стр. 68).

Звук увидишь раньше, чем услышишь

* «Звук увидишь раньше, чем услышишь», — говорится в Книге Киу-те. Вспышка молнии предшествует удару грома. По прошествии веков человечество с каждым новым поколением все ниже и ниже нисходило в материю, физическое душило духовное, пока весь набор чувств, который сформировался в течение первых трёх корень-рас, кроме одного ЧУВСТВА, а именно, *духовного восприятия*, наконец не распался на части, чтобы образовать отныне пять различных чувств. (стр. 68)

Мужи науки беспомощны в этом случае

* Мужики науки не могут помочь миру понять *основную причину* феноменов, которые ещё некоторое время в этом цикле они не смогут объяснить даже для себя. Они не могут ни понять, ни объяснить её, как и любой другой человек, кто не изучал оккультизм и скрытые законы, управляющие природой и человечеством. Мужики науки в

этом случае беспомощны, и несправедливо обвинять их в злом умысле или даже в нежелании заниматься этим, как это часто делается. Их рациональность (в данном случае в смысле интеллектуальности, а не здравомыслия) никогда не позволит им заняться оккультными исследованиями. Поэтому бесполезно требовать или ожидать от учёных нашего века того, что они совершенно не в состоянии сделать для нас, пока следующий цикл не изменит и полностью не преобразит их внутреннюю природу, «улучшив склад» их духовного ума (стр. 70).

СНОСКИ:

[2] Греческий сложный термин, придуманный русскими медицинскими факультетами. (Примечание Е.П.Б.)

[3] От слова невроз. (Примечание Е.П.Б.)

[4] Медицинский словарь (Примечание Е.П.Б.) [Вероятнее всего имеется в виду следующий труд: *'Dictionnaire des sciences médicales'* «Par une société de médecins et de chirurgiens. Publié par F. P. Chaumeton et F. V. Mérat de Vaumartois, 60 томов. 1812-1822 гг. - Борис де Цырков.]

[5] *Des Hallucinations*, стр. 3. (Примечание Е.П.Б.)

[6] См. Словарь медицинских терминов. (Примечание Е.П.Б.)

[7] Эти краткие выдержки взяты из книги Эд де Мирвиля, *Des Esprits*, Т. I, стр. 86 (3-е изд., 1854 г.). (Примечание Бориса де Цыркова)

[8] Общение с богами. (Примечание Е.П.Б.)

[9] *Annales d'Oculistique*, ноябрь и декабрь 1882 г., *Journal de Médecine de l'Ouest*, 4-й квартал 1882 г. (Примечание Е.П.Б.)

[10] *Introduction à la mythologie de l'Odysée* [«Введение в мифологию Одиссея»], Воеводский. (Примечание Е.П.Б.)

[11] Д. Н. Овсянко-Куликовский, «Очерк вакхических культов индоевропейской древности...» (Примечание Е.П.Б.)

[12] Профессор Д. Н. Овсянко-Куликовский, автор «Очерка о вакхических культах...» (Примечание Е.П.Б.)

[13] См. «Эзотерический буддизм» — о Кругах, мировых периодах и подрасах. Упомянутая глава появится в «Тайной Доктрине», которая вскоре будет опубликована. (Примечание Е.П.Б.)

000

Первая часть этой подборки отрывков из эссе Е. П. Блаватской была опубликована в октябрьском номере журнала [Теософ эпохи Водолея](#) за 2022 год.

000

Читайте также:

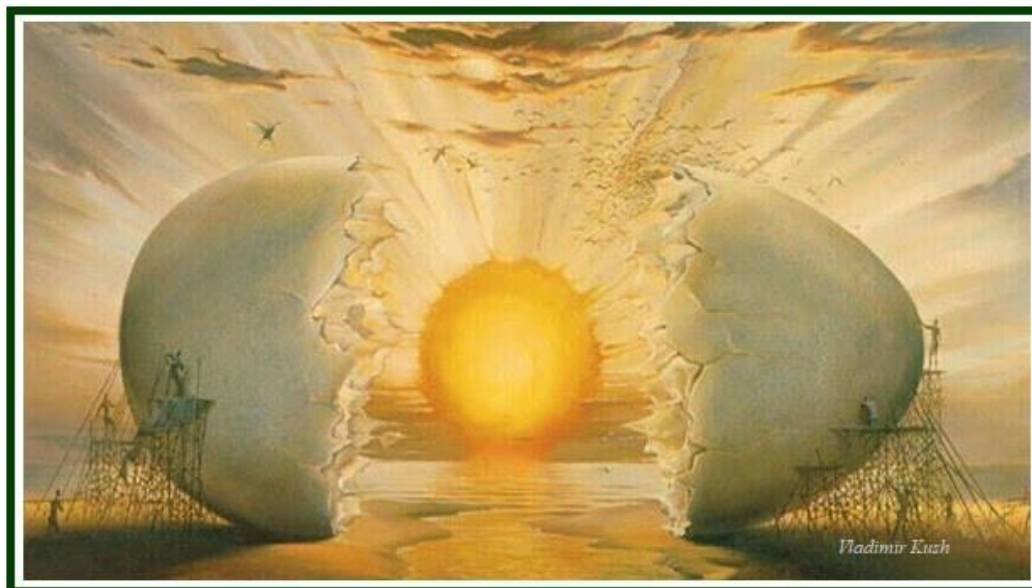
* [Битва за истину](#)

* [3 000 лет эзотерической школе](#)

000

МЫСЛИ В ПУТИ

Истина перед нами; кто хочет знать истину?

* Горе тому, кто видит прошлое всегда одним и тем же; ибо, точно так же, как настоящее и будущее, прошлое имеет бесконечные возможности. Наш взгляд на то, что уже произошло, постоянно меняется с течением времени и по мере того, как настоящее приносит новые проблемы.

* Великие события прошлого излучают новый смысл, из которого вытекают удивительные уроки по мере того, как мы накапливаем опыт и лучше познаём жизнь.

* Глупые люди думают, что они всё знают. Здравомыслящие люди осознают, что их знаний недостаточно, и стремятся к учению.

* То, как мы относимся к прошлому, является живым процессом. Это столь же динамично и изменчиво, как и то, как мы относимся к будущему и к настоящему. От нас зависит принять правильную точку зрения относительно трёх аспектов времени – точку зрения того, кто стремится узнать о высшем и самом ценном.

* Познавая хрупкость, обретаем силу. Через непосредственный опыт глубинного контраста человек понимает гармонию, которая объединяет всё сущее. Обретая некоторое знание о чувстве отчаяния, мы понимаем силу непоколебимости. Всё это необходимо, поскольку небо и земля неразделимы. Божественный и человеческий миры незримо и неизбежно переплетаются.

* Мы лучше используем нашу энергию, когда мы реалистичны. Глядя на факты без психологической анестезии и оставаясь свободными от искажений, вызванных личными чувствами, мы можем эффективно работать над улучшением того, что можно улучшить. Поэтому неразумно тратить слишком много времени на то, чтобы отвергать

свои поражения с эмоциональной точки зрения и скрывать их от самих себя. Неудачи прокладывают путь к бесценным урокам. Всё, что нужно сделать, это признать и испытать на себе горечь неудачи во всей её полноте и глубине. Как только это будет сделано, вы получите доступ к исключительным знаниям, присутствующим в неудачных попытках.

* Пока намерение благое, а цель благородная, каждое кажущееся поражение есть новый шаг к (внутренней) победе.

* Истинное удовлетворение зависит не от внешнего прогресса, а от соприкосновения с бессмертным духом. Благодарный пилигрим достигает здорового уровня счастья. Он ценит окружающие его обстоятельства, но не испытывает к ним излишней привязанности. Долговременное благополучие возникает благодаря гармоничным отношениям между физическим миром и духовным. Это, конечно, трудно, но возможно; в мудрой жизни материальные факторы смиренно стоят на службе внутреннего и высшего мира, который неизменен.

Кто хочет знать истину?

* Существует вечный духовный свет, и он доступен каждому во все времена как неиссякаемый источник спокойствия, понимания и уверенности. Однако наша проблема заключается в установлении непосредственного контакта с этим внутренним светом. Открыты ли мы для него?

* Свет истины разрушает иллюзию. Кто же хочет отказаться от своих самых сладких личных иллюзий в обмен на суровый свет, который раскрывает факты такими, какие они есть, и показывает нам некомфортное чувство ответственности перед ними? Ответ прост. Всем людям нужна истина, хотя наш подход к ней должен быть постепенным.

* Путь сложен и его обнаружение требует долгосрочного взгляда на жизнь. Видение истины приходит шаг за шагом. Это возможно благодаря энергиям правильного намерения, взаимопомощи и чувства покоя. Каждое воплощение — это страница в Книге Жизни.

* Доброжелательность ко всем — вот светильник, освещающий путь. Ведь свет солнца и свет духа появляются по всем направлениям одновременно. Нельзя принести пользу себе, не принося пользу другим, и наоборот; это является законом, как учила Елена Петровна Блаватская.

Глобализм — это не то же самое, что братство

* Должны ли изучающие эзотерическую философию любить страну, в которой они родились, и страну, в которой они живут? В 19 веке таинственный бессмертный мудрец, живший в Гималаях, написал такие строки индийскому принцу по имени Харисингджи Рупсингджи:

* «От того, кто всегда будет присматривать и охранять его, если он будет продолжать идти по пути долга в отношении своей страны и добродетельности в отношении своих Братьев.[1]

* В действительности, идея всеобщего братства, выдвинутая теософским движением, не имеет ничего общего с тем глобализмом, который Наполеон Бонапарт, Адольф

